

Леонид Акимкин

Адам

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
А39

Акимкин Л. С.

Адам / Акимкин Л. С. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 355 с.

ISBN 978-5-532-03913-1

Первый человек на земле: полное единение с природой, господин всего живого, альфа и омега для целого мира. Об этом мечтает каждый, но какую цену за это заплатит главный герой? Чем придется пожертвовать, чтобы получить возможность попробовать себя в роли Адама? И есть ли во всем этом Бог? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03913-1

© Акимкин Л. С., текст, 2016
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

глава 1

Собака деловито подошла ко мне, осмотрела меня и с надменным видом уселась рядом. Собаке надоело мое бездействие, и она деловито наступила передней лапой на мою запыленную туфлю. При этом морду с языком она отвернула в другую от меня сторону, как бы показывая, что это случайность, а не привлечение внимания. Собака была мне знакома, мы даже были когда-то официально представлены друг другу.

– Сильвестр, это Петров, – показывая на меня коротким мясистым пальцем, сказал в тот раз хозяин пса.

– Петров, это Сильвестр, – продолжил мой начальник и хозяин Сильвестра по совместительству. По его интонации я понял, что Сильвестр однозначно главнее, да и кто из нас двоих человек в глазах начальника, тоже стало понятно.

Справедливо замечу, что собака оказалась куда человечней хозяина и ни разу не воспользовалась так называемым «служебным» положением.

Пес он был здоровский, дворняга чистой воды с шерстью, как проволока, грязно-ржавого цвета. Одно его ухо торчало полностью, второе лишь наполовину, при этом корпус у собаки был мощный с глубокой грудью и крупными, как у волка, лапами. Но главная особенность Сили была в его глазах: они были бледно-голубыми, видимо, в предки к нему захаживали гордые сибирские хаски. Как такого не полюбить? И Силю любили все, весь наш десятый отдел полиции, а Силия любил всех, не только работников отдела, но и всякого рода людей волей или неволей попадавших в наше отделение.

Он всех встречал в коридоре, заглядывал в глаза и как бы извинялся: «Здравствуйте, меня зовут Силия. Я хороший, Вы тоже хороший. Заранее прошу меня извинить за моего подопечного. Он тоже хороший, работа у него нервная. Поэтому, когда он придет и будет орать, Вы не обижайтесь, он хороший. Мы все хорошие».

На лестнице слышались тяжелые шаги. Так у нас ходил только начальник уголовного розыска майор Дуров Семен Игнатьевич.

Небольшая лестница, ведущая с улицы в единственный коридор маленького обшарпанного здания полиции, всегда страдала под слоновьим ходом майора. Казалось, лестница когда-то его крепко обидела, и он мстил ей, яростно и беспощадно топча ее ступени.

Дверь распахнулась и в коридор вошел Дуров. Двигался он как танк, поэтому, можно сказать, Дуров вкатился. Фантазия моя язвительно предложила мне звук лязгающих траков при торможении танка. Если честно, то и выглядел Семен Игнатьевич как танк. Его большая голова с маленькими серыми глазками и сломанным носом не несла на себе хоть какой-то отпечаток красоты или индивидуализма. Весь облик начальника УГРО был подчинен практичности. Из украшений на голове был короткий ежик волос с ощутимой проплешиной на макушке и попытка отрастить усы. Голова сразу переходила в широченные плечи, шея отсутствовала совсем. Тяжелый квадратный подбородок и массивная грудная клетка изгнали ее из анатомического строения майора, и только галстук как надгробие и назидание потомкам обозначал – «здесь была шея». Описывать дальнейшее строение грозы преступного мира нашего района бесполезное занятие. Рабоче-крестьянское происхождение и долгие годы занятий штангой превратили тело начальника в куб. Куб носил всегда черный мятый костюм, только брюки обрисовывали наличие ног и способность данной геометрической фигуры к передвижению.

Серые глаза стрельнули в меня и Сильвестра: «Оба ко мне», – сказал майор Дуров, входя в свой кабинет.

«Возник из двери и канул в другую», – тихо пробормотал я, поднимая свой тощий зад с неудобной деревянной скамьи.

Силя быстро подмигнул мне: «Он хороший». И мы, как было приказано, оба побрели к начальству.

глава 2

Дверь кабинета Дурова всегда внушала мне оторопь. Ее оббитая дерматином поверхность веяла каким-то едва уловимым начальственным духом. И это вгоняло в маленький ступор каждого желающего в эту дверь войти. Если кто-то в порыве каких-либо страстей стремительно хватал дверную ручку с желанием распахнуть ее по сильнее, то после секундной запинки открывал ее аккуратно, с почтением. Даже пес, когда хотел войти в кабинет хозяина, царапал лапой облицовку косяка, стену, но не дверь.

Вот и сейчас, после обязательного замешательства перед ромбической поверхностью обивки, я аккуратно открыл дверь. Вместе со мной в кабинет зашла и собака, при этом ее пиетет перед угрюмой дверью был не меньше моего.

– Чего замер, Петров? Собаке мешаешь войти, – Дуров уже занял свое место за столом, закрыв своим телом единственное окно. Кабинет вообще вызывал уныние и чувство отчужденности. С порога становилось понятно: здесь не работают и не живут. Тут борются с преступностью, и борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Стены кабинета никогда не знавали покраски, их когда-то побелили еще во времена царя Гороха. И с тех пор они копили на себе паутину и старались испачкать одежду вошедшего, марая рукава и штанины, как бы давая понять, чистых перед законом людей не бывает. Ближе к столу стены были завешаны плакатами и графиками. Почти все они были исполнены посредством перьев и туши, но некоторые наглядные пособия несли на себе следы прогресса, вместо красиво выведенных слов на них были наклеены листы формата А4 с текстом, распечатанным на принтере.

Благодаря всем этим изделиям кустарного плакатостроения стены теряли любой намек на прямые линии и превращали кабинет в штукатурно-бумажную пещеру. Даже предметы мебели, вернее минимальный их набор, не портили этого впечатления. Кривобокий книжный шкаф с потрескавшимся лаковым покрытием, колченогий стол с куском плексигласа на столешнице и стул. А мимолетный

взгляд на хозяина подтверждал худшие опасения – ты в пещере саблезубого медведя, и этот медведь служит майором МВД.

Было в этом суровом месте и светлое пятно. Слева от входа находилось рабочее место Сильвестра, оно то и выдавало наличие человечности в суровом начальнике УГРО. В самом углу разместился собачий лежак внушительных размеров, выдававший надежду Семена Игнатьевича на то, что пес вырастет наконец до внушительных размеров и это позволит товарищу майору приобщить того к нескончаемой борьбе с преступностью.

Тут же стоял набор из стальных мисок разного калибра и назначения, все они были мыты и начищены до блеска. Далее следовал набор собачьих радостей в виде различных резиновых мячиков, цыплят и поросят, тоже резиновых, конечно.

Но, главное, весь угол стены, Сильвестров угол, был оклеен фотокарточками и вырезками из журналов с изображениями собак различных пород. Как я однажды узнал от самого Дурова, это были те породы собак, корни которых присутствовали у Сильвестра, так решил сам Дуров. И по нерушиму мнению хозяина собаки, та вобрала в себя все самое лучшее от различных предков.

И вот когда смотришь на Силю, который сидит в огромной лежанке, шерсть его кажется такой грубой и колючей, что невольно слышишь, как царапается твой взгляд о его буро-рыжую шкуру. Два бледно-голубых глаза смотрят на тебя с доброй усмешкой, а черный с розовым пятном нос танцует в попытке поймать каждый запах окружающего мира, и тут понимаешь, что пес прав, он хороший, ты хороший, все хорошие.

Но вот твой взгляд меняет фокус, и ты начинаешь рассматривать картинки на стене. А там целая ветвь различных овчарок. Далее идут нестройным рядом представители охотничьих пород, для нюха и слежки. Есть календарик с голубоглазой хаски, а все остальное пространство заполнено представителями бойцовых пород. От французского бульдога до тибетского мастифа. Чуть в стороне висит более свежее изображение пса с надписью «Хатико» на английском, подозреваю, что голливудский фильм и из Дурова выжал некоторое количество хлюпанья носом и мокрых глаз. Я так вообще ревел, если

честно. И, глядя на все это разнообразие предполагаемых предков, понимаешь, что Сили мог произойти только от такой же Сили, от несуразной рыжеватой доброй собаки. Нет в нем ни французского, ни тем более бойцовского. И если кто думает, какой хозяин дурак, то я думаю о другом. Как же ты, Семен Игнатьевич Дуров, майор, служака, раздражающийся от других людей-человеков, как же ты любишь своего пса. Значит, даже в тебе она есть, эта любовь, как маленький собачий уголок в твоём сером кабинете. Значит, есть она у всех нас, раз есть и в тебе.

глава 3

– Петров!!!! – трубный рев начальника выдернул меня из плена меланхолических мыслей. «Петров, ну вот, что ты за человек?!» – Дуров подался вперед, нависая над столом, как айсберг над Титаником. Лицо его побагровело и все скукожилось. «Сейчас будет взрыв», – успел подумать я, но напряжение с лица майора спало, лицо его расслабилось, плечи обвисли:

– Петров. Вот сколько я тебя знаю, Петров?

– Двенадцать лет, товарищ майор! – выпалил я с должным старанием.

– Да заткнись ты, – лицо начальника стало еще печальнее, – Вот за что твоя мать так со мной?

Майор откинулся назад, сбросив с себя остатки напряжения и обнажив всю усталость, накопленную годами, моментально растеяв всю свою схожесть с айсбергом.

Разговор о моей матери и ее разрушительном воздействии на жизнь Дурова был у нас словно ритуал. Даже когда он вызывал меня на секунду, просто что-то спросить, воспоминание о маме всплывало непременно, но в более сокращенной, не литературной форме. Так уж получилось, что в полицию, вернее тогда еще милицию, пристроил меня именно Семен Игнатьевич, естественно, по просьбе моей матушки.

Рос я без отца и вырос, честно скажем, не самым приспособленным к самостоятельной жизни индивидуумом. С детства я был болезненным ребенком, не расположенным к физическому развитию. Так я и вырос, длинным, криво сложенным кощею с неестественно развитой худобой. По законам жанра я должен был быть весьма умным, как модно нынче говорить «ботаном», но и тут у меня оказались весьма посредственные показатели. Школу и институт я закончил ни шатко, ни валко. Потом были пять лет мучений на физмате и все, что меня ждало в будущем, это судьба преподавателя средней школы, а среди детей я бы не выжил. Это понимал я, понимала мама и, будучи мудрой женщиной, она решила, что на ниве

борьбы с преступностью я буду в большей безопасности, чем преподавая у доски логарифмы.

На беду Дурова, он еще не знал, что его ждет, да и чего плохого можно было ожидать от безобидного сына подруги юности. В начале моего с ним знакомства я пытался подозревать его в неразделенной любви к ней. Вот тогда я и услышал в первый раз: «Петров, ну вот что ты за человек?!» После, конечно, он в сдержанной форме объяснил, что его жена- это работа и у него с ней идеальные отношения. Он ее ненавидит, но бросить не может. А она старается сделать его жизнь невыносимой и у нее получается.

— А мама твоя — это та женщина, которая никогда не делала мне ничего плохого. И если бы я решил завести семью, она была бы первой, а, возможно, и единственной, кому я бы предложил это. Но любовь, это ты загнул, Саня.

А потом он протащил меня через медкомиссии, проверки и бюрократическую тяготину, чтобы взять к себе на должность опера, с тех пор я перестал быть Саней, Саньком, Шуркой. Я стал Петровым, раз и навсегда.

Конечно никто не рассчитывал, что я стану докой оперативной работы. Оперативным сотрудником я только числился. На самом деле я занимался всем, что касается компьютеров и офисной техники, она тогда только стала поступать в милицию, а как с ней управляться никто не знал. Я, впрочем, тоже на программиста не учился, но Дуров сказал: «Или ты, Петров, начнешь в этом понимать, или парни тебя сожрут, так как им очень не хочется работать за себя и того дядю». Увидев тогда в моих глазах испуг, он меня подбодрил: «Не переживай, Петров, не сожрут», — а после секундной паузы добавил, — «Я сожру тебя, Петров, я. Иди работай». Он еще не знал, что я за человек, так бы сразу сожрал молча и не мучился.

глава 4

На службу я ходил, как на каторгу. Ребята из отдела методично выражали мне свою неприязнь, иногда прям очень выражали. А я все чаще слышал от начальника: «Петров, ну вот что ты за человек?!», – а он от моей мамы выслушивал за порванную рубашку, разбитый нос и другие служебные неприятности. Постепенно отношения с коллегами выровнялись, у меня появились товарищи, но до дружбы не дошло. Не выровнялись только отношение Дурова ко мне и его с мамой отношения. Однажды, во время очередной ссоры из-за меня, Семен Игнатьевич сказал маме в сердцах: «Правильно, что муж тебя бросил!», – а она влепила ему пощечину. Больше они не виделись. Дуров срывался на мне, я терпел, а потом мамы не стало.

Семен Игнатьевич запил. Его даже почти уволили, но он вернулся. Просто пришел с утра, как всегда в костюме, чисто выбритый, с щенком в руках. Позвал меня к себе, вместо привычного причитания про мои человеческие свойства спросил: «Вот за что твоя мать так со мной?». Так в его лексиконе касаясь меня стало одной фразой больше.

Как потом шептались в коридорах, собаку он отбил у своих же собутыльников. Пьянчуги собирались его съесть, а опустившийся майор милиции что-то увидел в глазах испуганного щенка, что-то, вернувшее его к жизни.

– Хорошие у меня для тебя новости, Петров! – Дуров посмотрел на меня снизу вверх, посмотрел как-то непривычно. Было в его взгляде что-то новое. Он будто за что-то извинялся.

Я не успел открыть рот, а он продолжил: «Не придется тебе, Петров, больше меня терпеть!», – лицо его погрузнело, и сам он осунулся. Я опять сделал попытку превратить его монолог в диалог, но не успел: «На этом, Петров, хорошие новости кончились», – в конце он даже крикнул и замолчал.

– Семен Игнатьевич», – начал было я, но был сбит привычным восклицанием: – Петров, ну вот, что ты за человек?! Я попытался